

Великий писатель земли русской

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Л. Н. ТОЛСТОМ
ЕГО ВНУКА — И. И. ТОЛСТОГО)

В районной газете уже сообщалось о том, как прошел в клубе Дмитровского фарфорового завода вечер, посвященный 130-летию со дня рождения великого русского писателя, классика русской и мировой литературы Льва Николаевича Толстого. На вечере, как известно, присутствовал внук писателя Илья Ильич Толстой, который поделился с присутствующими воспоминаниями о своем знаменитом дедушке. Эти воспоминания представляют большой интерес для всей общественности и мне хотелось бы более подробно остановиться на них. Я постарался записать беседу Ильи Ильича Толстого и привожу ее почти дословно.

— Когда умер Лев Николаевич, — начал свою беседу Илья Ильич, — мне было 14 лет. Я

помню этого человека-человечика как скромного, простого и всех нас, внучат, любящего дедушку. При Льве Николаевиче нельзя было сказать неправду. Мы все прекрасно знали, что он все видит и все знает.

В Ясную Поляну приезжали люди самых различных профессий и званий, и Лев Николаевич всегда охотно беседовал с ними. Эти люди отнимали от нас дедушку. Выходило так, что он принадлежал всем, и это нас немного огорчало. В те же минуты, когда мы оставались наедине с Львом Николаевичем, время проходило весело и интересно. Мы ездили с ним на прогулки, ходили купаться, играли в городки и теннис. Наш дедушка все время занимался спортом и даже в конце своей многолетней жизни был креп-

ким и выносливым человеком.

Однажды он подошел к нам в Ясной Поляне и стал учить нас приседать и подниматься на одной ноге. Ему было тогда 80 лет, но он делал это упражнение без особого труда. Лев Николаевич любил шутить, смеяться, радоваться жизни. Вспоминается, как перед обедом в Ясной Поляне, в ожидании выхода к столу «хозяйки» — жены Льва Николаевича — Софьи Андреевны, все дети и взрослые сидят молча, не зная, чем занять эти несколько минут. И вдруг Лев Николаевич улыбнулся, гикнул, схватил кого-то за руку и проворно побежал вокруг стола. Все дети вскочили со своих мест и счастливые и довольные бросились за дедушкой.

За стол в Ясной Поляне иногда садилось до 40 человек. Большая забота по обеспечению мужа, семьи и близких ложилась на плечи Софьи Андреевны. Благодаря этой скромной и отзывчивой женщине Лев Николаевич мог спокойно трудиться, не испытывая никаких

лишений и неудобств в работе. Софья Андреевна готовила обед, сама шила белье, переписывала все рукописи Льва Николаевича и делала это так хорошо, что великий писатель нередко обращался к ней за разъяснением непонятого, им же самим написанного слова в рукописи.

Лев Николаевич был очень трудолюбивым и требовательным к себе человеком. Некоторые небольшие рассказы переписывались им до 400 раз. Язык в них был доведен до совершенства. Он любил наблюдать жизнь во всем ее своеобразии и никогда не полагался только на память.

В дневнике Софьи Андреевны, который она вела, как и Лев Николаевич, всю свою жизнь, можно прочесть следующую запись: «Левочка (это Лев Николаевич) опять не спал: наблюдал звезды».

Уже взрослым человеком, продолжает Илья Ильич, я по достоинству оценил ту работу, которая была проделана Львом Николаевичем в Ясной Поляне.

Произведения Л. Н. Толстого — это результат большого и упорного труда. Ведь гении не рождаются: их создает труд.

Еще в раннем детстве Лев Николаевич владел в совершенстве тремя языками — французским, немецким и английским. Потом он изучал арабский, говорил по-татарски, по-чеченски, изучал греческий, итальянский, голландский языки, а затем, будучи 70-летним стариком, — древнегреческий язык. Одновременно великий писатель увлекался музыкой, написал проект насаждения лесов и т. д. За свою жизнь он посадил в Ясной Поляне 180 гектаров леса и 38 гектаров сада. Ставя перед собой задачи, он всегда добивался его выполнения. «Труд, упражнение физических сил — есть необходимое условие жизни», — писал Лев Николаевич.

Во время труда он вдохновлялся, как-то весь преображался, целиком отдаваясь работе. Вот как, например, было написано его бессмертное произведение «Анна Каренина». Од-

нажды Лев Николаевич шел по залу имения в Ясной Поляне и увидел на royale раскрытый томик А. С. Пушкина. Его, вероятно, забыл кто-то из нас. Взяв томик в руки, Лев Николаевич вышел в сад, сел на скамейку и углубился в чтение. Блестящая пушкинская проза, которую Лев Николаевич не один раз читал и раньше, почему-то сейчас особенно восхитила писателя. После чтения он прошел к себе в кабинет и решил написать такой же рассказ. Нам он сообщил, что через две недели закончит его. Но работа увлекла писателя, и рассказ вылился в большое произведение, которое он закончил только через несколько лет.

При жизни Льва Николаевича ежедневно на железнодорожную станцию отправлялся конюх Филипп Петрович. Он привозил оттуда целую сумку газет, писем и другой корреспонденции. Лев Николаевич аккуратно просматривал все и делал свои пометки. На многие письма читателей он отвечал сам.

Помню, как горячо обсуждались у нас события русско-японской войны. Взрослые только что прочитали в газетах сообщение о сдаче русскими Порт-Артура. Вдруг дверь в комнату широко распахнулась и на пороге появился Лев Николаевич. Засунув руки за пояс толстовки (так потом стали звать длинные рубашки с карманами), он насупил брови и сердито сказал:

— В наше бы время Порт-Артура не сдали...

Участник Севастопольской обороны, он горячо переживал любые неудачи русских, проявляя большой патриотизм, любовь к своей Родине и народу. Таким он мне и запомнился на всю жизнь: волевым, строгим и в то же время простым и честным человеком земли русской, — закончил свой рассказ Илья Ильич Толстой.

А. ИМБИРЕВ,

редактор заводской много-тиражной газеты «Пламя».